

В. Бойко

Чаинское восстание крестьян

Летом 1931 года

В конце 20-х годов у Советского правительства возникли трудности в заготовке сельхозпродукции. Это привело к перебоям в обеспечении продовольствием городского населения, в выполнении обязательств по поставке продуктов за границу. Политическое руководство страны было поставлено перед выбором путей сотрудничества с крестьянством. Один из них предполагал ориентацию промышленности на выпуск товаров для деревни, увеличение закупочных цен на продовольствие, гарантию неприкосновенности собственности крестьян на землю, имущество и получаемую с них прибыль. Второй путь представлял собой силовое, военно-полицейское решение аграрной проблемы и вместо экономических стимулов предполагал внеэкономическое принуждение и террор.

Именно так и поступили с российским крестьянством. Через коллективизацию его ограбили, получив единовременно гораздо больше продуктов, чем получали раньше, которые тотчас же отправили на нужды индустриализации за границу. Более того, ограбление сопровождалось насилием - вся политика была направлена на то, чтобы уничтожить крестьянство как сословие, как носителя определенных нравственных устоев и независимых суждений. Выбор средств для осуществления этой акции был практически неограниченным. Тут и искусственно вызванный массовый голод, унесший миллионы жизней, и не менее жестокое массовое выселение крестьян в неосвоенные районы страны и малоизвестная пока деятельность «троек» ОГПУ в 1929- 1931 гг.

В предлагаемой статье делается попытка осветить одну из неизвестных страниц истории сибирского крестьянства - историю Чаинского восстания в 1931 г. В периодической печати на эту тему появилась только статья А. Малкова.

Подготовка и ход восстания

Основными источниками по истории самого восстания являются дела по обвинению Ф. Р. Славникова, Б. С. Битюкова и других в количестве 135 человек по ст. 58-2 УК, хранящиеся в Томском КГБ, и записки, которые поступали к галкинскому коменданту И. Б. Малышкину во время подавления восстания. Дополнительные сведения содержатся в воспоминаниях очевидцев тех событий и некоторых материалах Чаинского архива райисполкома. К сожалению, эти источники дают неполные, порой фрагментарные сведения по истории восстания.

По свидетельству И. Б. Малышкина, на территорию Галкинской комендатуры было завезено 18 тыс. человек, 700 лошадей, другого скота не было. Местность, куда были вывезены поселенцы, представляла собой сплошную гарь, т. е. выгоревшую тайгу с гнилым валежником, пнями и мелким кустарником. «Расселенные по поселкам поселенцы, - пишет Малышкин, - на первых порах стали оказывать сопротивление, роптать на Советскую власть. Вполне понятно за что; их сняли с годами насиженных мест и бросили в глушь, в тайгу».

Сходная ситуация была в соседней Парбигской комендатуре. Правда, положение там усугублялось тем, что завезено туда поселенцев в два раза больше, а условия там были хуже, чем в Галкинской комендатуре. Поэтому мысли о сопротивлении, нежелание жить в местах поселения возникали у людей с самого начала их водворения в новых местах. Желание освободиться возникало у поселенцев еще и в результате жестокого обращения с ними служащих комендатур. Проживающий ныне в Томске П.В. Путилов рассказывал мне о старшем стрелке Ермакове, который через шантаж насилывал поселенческих девушек и женщин, об огромном и страшном вахтере Жуйко, который не расставался с ременной плетью и откровенно издевался над опухшими от голода

поселенцами. Крестьяне доведены были до рабского, крепостного состояния. П. В. Путилов рассказывал, что старик-поселенец упал на колени и молил коменданта Маркина, большевика с дореволюционным стажем, о прощении, когда был застигнут на дороге вне пределов поселка. Затем, когда его довели до почты, куда он направлялся, и отпустили, он снова упал на колени и со слезами на глазах благодарил за то, что его не отправили в тюрьму.

Обвинительное заключение по делу, хотя и составленное с грубыми ошибками, дает некоторое представление о подготовке восстания. Вдохнителем восстания следователи ОГПУ (их имена приводит в своей статье А. Малков) не без основания считают «бывшего владельца кирпичных заводов Георгия Егоровича Ускова». В нескольких словах две непростительные для следствия неточности; Ускова звали не Георгий, а Григорий; кирпичных заводов у него не было - стоило посмотреть в дело, по которому дается заключение, протоколы допросов его 65-летнего отца, его жены и 16-летнего сына.

Судя по всему, он обладал незаурядным умом, мог внушить к себе доверие начальства и местных жителей. Вместе с тем, как характеризует его жена, Григорий Усков был «мужик хитрый и осторожный, к нему никогда не подкопаешься». Именно он, Г. Е. Усков, и его односельчанин А. И. Медведев «начали беседы о малом пайке, тяжелой жизни» и т. д. Вечером 3 июля ими было устроено «полулегальное» собрание Ленинского района, на которое были приглашены представители других районов. Присутствовало около 50 человек. Решили послать ходяков в край с просьбой об увеличении пайка, т. к. иначе всех ждет неминуемая гибель. Если край откажет, то нужно что-то предпринять. Решено было провести сбор средств на посылку делегации.

С этими выводами следственной группы вполне можно согласиться, но непонятно сильное смягчение показаний главного обвиняемого - Славникова Федора Родионовича. В 1931 году ему было 60 лет, прибыл он на поселение из Прокопьевского района с женой и 4 дочерьми.

Вот этот почтенный глава семейства и показал, что за месяц до восстания Усков говорил ему, что собрание нужно проводить под лозунгом: «Долой коммунизм, да здравствует свободный труд, вольная торговля, свобода слова и печати и права на землю». Вероятно, в интересах следствия было скрыть серьезность подготовки восстания, политический характер выдвигаемых лозунгов, т. к. это свидетельствовало бы о плохой работе комендатур и секретных служб ОГПУ.

Через 5 дней, 8 июля, было проведено новое собрание. Присутствовало около 50 человек, и, как говорит Славников, «выбрали мужиков для поднятия восстания». В другие, кроме Ленинского, районы были посланы Андрей Иванович Медведев и Поликарп Наумович Колмогоров. Сам Славников был послан в 5-й район на Галку. Там он провел несколько собраний в д. Истомино и близ нее. Мужики там заявили, что против Советской власти выступать готовы, но нужна поддержка. Славников пообещал им помощь, сообщил, что в Новосибирске, Томске и других городах ведется усиленная работа по свержению Советской власти. Он им говорил, что «Советской власти быть не должно, а должно быть Учредительное собрание, которое выберет Президента и тот даст свободу народу...». В ответ на это мужики согласились со Славниковым и начали обсуждать вопрос о том, как начать восстание. В план истоминских мужиков входил захват Орловской комендатуры, а затем взятие Бакчара, где, по сведениям поселенцев, находились основные склады комбината, т. е. комендатуры, а потом двинуться на Крыловку и Высокий Яр. После этого предусматривалось захватить Подгорное и Парабель и начать движение на Новосибирск.

В ходе собраний определилась дата всеобщего выступления - 1 августа 1931 г. Однако на собрании 28 июля в п. Ленинском, где, по сведениям чекистов, присутствовали и местные кержаки, Г. Усков заявил, что «в работе чувствуется провал, ждать до 1 августа нельзя», и поэтому выступление было назначено на 29 июля.

П. Я. Чернышев был выслан из Беловского района. С 1915 по 1917 год он служил в царской армии, затем с 1918 по 1922 год - в Красной Армии. Вместе с ним были высланы 3 его дочери и двухлетний сын. Чернышев хорошо передает речь руководителя восстания Г. Ускова, действия восставших 29 июля 1931 г. Утром из палаток в п. Ленинском собралось на выступление около 100 человек. Вооружены они были очень слабо — топоры, вилы, косы, несколько берданок. К ним обратился Усков со следующими словами: «Граждане, восстание вспыхнуло везде, мы с вами опоздали на один день. Томск, Новосибирск, Кузнецк уже забраны. Я послан руководителями этого восстания сюда для руководства. Вот мои документы (и здесь, по словам Чернышева, показывает какие-то бланки). Нас без боя умирает ежедневно около 200 человек, ну что, если мы потеряем в бою 10 - 15 человек, зато все освободимся. Трусить не надо». Кроме этого, в своей речи Г. Усков призывал никого не убивать, а только задерживать и отбирать оружие.

В середине дня восставшие двинулись на Орловку, где находилась участковая комендатура. Однако силы их еще были малы и наступление было отбито. Потери повстанцев - 3 человека, среди оборонявшихся убит один вахтер. Имя его пока нам неизвестно. Всего во время восстания было убито 4 представителя властей: молодой землеустроитель из Бакчара П. Хомутский, председатель Высокоярского сельсовета Г. Паздерин, проживавший в Бундюре уполномоченный Сиблага Кудасов и вахтер, имя которого в следственных документах не приводится.

Более успешно и бескровно происходил захват повстанцами под командованием Г. Ускова комендатур в п. Крыловка и Парбиг. Комендант Крыловки Белкин бежал от повстанцев в тайгу, а его подчиненные были арестованы. Вскоре Белкин возглавил один из партизанских отрядов, который активно преследовал остатки повстанческих войск. Комендант Парбигской комендатуры 25-летний член ВКП(б) Н. И. Петров был арестован 30 июля у себя на квартире повстанцами во главе с Усковым. Вместе со своим помощником Назаровым он сидел сначала под охраной в Истомине, а потом в Бундюрской школе. Кроме них, там, были секретарь Бакчарского сельсовета Девятков, вахтер Минов, помощник Белкина Прокопенко, комендант 14-го участка Максимов и другие, всего 8 человек. Никто из них не был расстрелян.

Некоторые представители властей сочувствовали восстанию. Нестор Коровин, председатель Тигинского сельсовета, до этого три года отслуживший в Красной Армии, выдал Г. Ускову 30 чистых бланков с печатью и «штампом». Как оказалось, делал он это небескорыстно и за все вместе получил 5 лет концлагерей.

Отец Г. Ускова показывал следователю, что к его сыну часто приходил секретарь сельсовета Иван Яковлевич, фамилию он не знает. Следствие установило, что им был И. Я. Лебедев, прибывший в Бакчарский район из Боткинского округа на Урале в 1929 г. добровольно. Проживал он в пос. Кивар, имел избу, одну лошадь, одну корову, посевов на 0,6 га. В его семье было 5 едоков, в том числе один трудоспособный.

Кроме них, в восстании участвовали местные жители Лебедев Мирон, Коробейников Андрей, Константинов Андрей и другие. Вовлеченным в восстание оказался приехавший из Новосибирска Василий Битюков. Г. Усков выдавал его на собраниях за представителя Сибуллона (Сибирского управления лагерей особого назначения), хотя тот приезжал в Галкинскую комендатуру за женой и детьми. Особая «тройка» ОГПУ приговорила его к десяти годам концлагерей.

Кроме палаточного поселка Леино, где, собственно, и началось восстание, был другой центр крестьянского движения - пос. Истомино. Здесь рядом с палатками стояли шалаши из бересты и домики из земляных кирпичей, т. к. землянки в болотистых грунтах Бакчара в большинстве мест рыть было невозможно.

43-летний Василий Иванович Сидоркин, прибывший на поселение из Беловского района, рассказывает следователю, что 29 июля вечером к нему в палатку пришел помощник сотенного Бушуев и пригласил на собрание, где кроме него присутствовали братья Ширяевы, Мишанин Кузьма, Казанин и другие. Здесь же в палатке неизвестный гражданин объявил, что Советская власть по всем городам свергнута, выступили сибулоновцы Чаинского района, нужно формировать отряд против коммунистов, в первую очередь арестовать всех вахтеров, а потом двинуться на Галку. На собрании организатора поддержали все мужики...

Об этом собрании уже говорилось выше, и имя агитатора известно - Ф. Р. Славников. Простим ему ложь о восстании во всех городах Западной Сибири. Ведь ни одно революционное движение не обходилось без большой лжи.

Восстание в Истомино началось 30 июля. Земляк Сидоркина, беловский крестьянин Петр Климышев, имевший на иждивении 5 детей, вспоминает, что когда он вышел к поскотине, там уже было около 100 человек, вооруженных топорами вилами, кольями и кричали: «Надо скорее арестовывать комендантов, - после чего выступили...» «В окно комендатуры, - рассказывает Климышев, - я увидел вахтера Трифонова и предложил ему сдаться без боя, но он выпрыгнул в окно и скрылся. Я по нему не стрелял. В это время начали поджигать дом (комендатуру), и кто в этой суматохе убил Кудасова, уполномоченного комендатуры, я не знаю...»

Сотенный староста Иван Ануфриев склонил к участию в восстании многих поселенцев. Среди них были Синкин Андрей, Мазур Григорий и другие. Г. М. Мазур, много лет прослуживший в царской и Красной армиях, был потом взводным командиром. После подавления восстания он был арестован и умер в Томском домзаке (тюрем и каторги в Советской России официально не было - были домзаки, изоляторы, концлагеря и прочие меры «социальной защиты»), - в числе организаторов восстания был Федор Родичкин, человек преклонного возраста, допрашиваемые называют его «старик», он развил бурную деятельность. Он активно собирал поселенцев на митинг, обратился к ним с речью: «Мы не должны трусить и подводить товарищей, оставшихся в Бакчаре. Сейчас вы должны отправиться на деревню Хамовку, на ходу вооружиться кто чем может — вилами, топорами, кольями и другим». После этого крестьяне сели на подводы и поехали на Хамовку, но повстречавшийся им в пути старик отговорил их туда ехать, т. к. в Бакчаре было много солдат.

Восставшие поселенцы были в недоумении от пассивности своих соседей по несчастью в Бакчаре. По агентурным сведениям, поступившим к И. Б. Малышкину от Агафона Юшкова, повстанцы говорили ему: «Что они там, спят? Почему не выступают?». Из этого агентом делался вывод: вероятно, они (повстанцы — В. Б.) имели организацию со здешними (бакчарскими — В. Б.) переселенцами и полагали сделать восстание в одно время. Известные нам материалы по восстанию такой вывод не подтверждают.

Как уже отмечалось, в Истомино был убит уполномоченный Кудасов. Поселенец Ефрем Юдин, работавший в Истоминской комендатуре конторщиком, бесхитростно и откровенно рассказывает: «Мы с Кудасовым пошли в огород, где встретили трех незнакомых мужиков, которых Кудасов стал спрашивать, куда они идут, на что они что-то отвечали. Тут со стороны раздался выстрел, которым Кудасов был убит... Война была объявлена за вольный труд против коммунистов,

причем коммунистов и представителей властей бить не приказывали, а только задерживать».

В этой же округе в качестве руководителя выдвинулся Георгий Язиков. Биографию он имел пеструю: «В 1919 г., — как он сам пишет, — я принимал участие в партизанском отряде против Колчака». В 1931 г. в Беловском районе его раскулачили, но выслали на поселение только его семью, а его, как бывшего партизана и работавшего на промышленном производстве, оставили. Летом 1931 г. он взял документы о своем партизанстве в Беловском ОГПУ и поехал в Нарымский край спасать семью. Но через два дня после того, как он туда прибыл, там вспыхнуло восстание. Г. Язиков лукавит, когда говорит, что его вовлекли в шайку под угрозой расстрела. Судя по всему, он, не задумываясь, окунулся в самую гущу происходящих там событий.

Как это происходило, рассказывал поселенец из Новосибирского округа Егор Митасов, проживавший в 1931 г. в пос. Вшивка Парбигской комендатуры; «На восстание выгонял всех сотенный староста Беда Дмитрий, а командиром был Язиков Георгий. Получили задание двигаться на Кузнецовку и захватить там комендатуру, но никого там не застали. Произвели обыск и захватили там несколько ружей и 2 винтовки. После поехали на Крыловку, отбирая по пути у местного населения оружие. После Крыловки двинулись на Красный Яр, где захватили комендатуру, стреляли, кого-то ранили, но тот все равно скрылся в тайге. Потом двинулись на Высокий Яр, не доходя до него с полкилометра. Язиков рассыпал отряд, и с криком «ура» мы захватили поселок.

Наступление велось под двухцветным сине-белым знаменем под лозунгом: «Долой коммунизм, да здравствует вольная торговля, свободный труд и право на землю».

Ободренные этим успехом, повстанческие массы двинулись на Галку, т.е. на Галкинскую комендатуру в Бакчаре. Из показаний поселенца Рубцовского района Павла Морозова, поведение которого было типично для подавляющего большинства повстанцев, выходит, что 31 июля после ночевки в Крыловке войско двинулось на Галку, и через 1,5 версты после Высокого Яра встретились с отрядом красных. «По команде «в цепь»,—говорит Морозов, —я побежал на правый фланг к речке и по ней побежал обратно, встретил там Бычкова и вместе с ним сдались в Красном Яре красным».

Таким образом, основное столкновение противоборствующих сторон произошло по дороге на Бакчар у Высокого Яра. К этому времени повстанцев было, по разным данным, от 500 до 1000 чел., они были разбиты на взводы, около 40 чел. составляли конный взвод, который был вооружен лучше остальных.

Уроженец Тамбовской губернии 50-летний Алексей Михайлович Леонов рассказывал, что когда отряд двинулся на Галку, то разведка из трех всадников доложила о засаде. Командиры выстроили отряд по обеим сторонам дороги рассыпным строем, и не прошли они 150 сажень, как по ним открыли огонь. «По команде второй взвод, в котором я находился, лег и ползком начал продвигаться вперед — признается в своих действиях следователю Якимчуку А. Леонов, — раньше стрелять не было смысла».

Во время этой перестрелки был убит председатель Высокоярского сельсовета Г. Паздерин. Обвинительное заключение говорит о двух десятках убитых повстанцев, но верить этому документу трудно, т. к. прослеживается тенденция приуменьшать масштабы восстания, занижить численность убитых участников восстания. «Трупы лежали густо, как снопы в поле, — вспоминает Н. И. Банников, которому в год восстания было 9 лет. — В начале августа стояли знойные дни, и они начали быстро разлагаться. Кругом стоял невыносимый запах. И на следующий год нам казалось, что там нехорошо пахнет».

Несмотря на личную храбрость Г. Ускова и Г. Язикова, которые воодушевляли своих подчиненных, находясь под огнем верхом на конях, повстанцы начали отступать на Крыловку. Было объявлено, что там будет собрание, но многие на собрание не остались, а пошли домой. Оставшимся Усков объявил, что, «кто желает воевать — оставайтесь со мной добровольно, кто не желает, тот давай уходи по домам».

Таким образом, 30 — 31 июля было пиком восстания, которое охватило территорию от Усть Бакчара в нынешнем Чаинском районе Д° Парбига в Бакчарском. Активность поселенцев наблюдалась только в некоторых населенных пунктах — пос. Ленино, Истомино, Крыловка, Бундюр и некоторых других. В большинстве поселков Галкинской и Парбигской комендатур к восстанию отнеслись пассивно, участвовали в нем по принуждению. В то же время нужно делать поправку на то, что дававшим показания следователю повстанцам незачем было выпячивать себя среди других, преувеличивать свою роль в восстании. Вот бесхитростный рассказ 30-летнего Филимона Пильщикова, обремененного большой семьей из 6 человек, «30 июля часа в 2 дня в наш поселок Светло-Зеленый приехали вооруженные люди и стали вовлекать людей в банду. Попали в эту банду и я, Первухин Никита, Колода Андрей, Гутов Дмитрий, и погнали нас на Красный Яр, а оттуда поехали на Комаровку, и меня поставили караулить склад. Хотели поставить меня во главе поселка, но я отговорился, что неграмотный. Потом я ушел в свой поселок спать, а утром, т. е. 1 августа, уже приехали в наш поселок красные...». Пильщиков не обманывал вожаков восстания, когда говорил, что он неграмотный. 1-й протоколом допроса стоит вместо подписи огромный отпечаток его пальца. После подавления восстания в пос. Светло-Зеленом было публично расстреляно 2 человека. Кто они и где похоронены, пока неизвестно.

Разгром восстания

Для ликвидации последствий восстания был сформирован сводный отряд из кавалерийского взвода томской милиции, Колпашевского, Кривошеинского и Чаинского партотрядов, представителей Томского ОГПУ, которые были распределены по отдельным подразделениям. Общее командование этим отрядом осуществлял начальник Томоперсектора ОГПУ Плахов. Довольно значительные силы комендатур, местный актив и добровольцев возглавлял начальник комендантского отдела ОГПУ Запсибкрая И. И. Долгих. Начальниками отдельных отрядов здесь были Белкин, Пастушенко, Денисов, Журавкин.

В ночь на 1 августа все эти объединенные силы двинулись в район действия повстанцев. По пути к пос. Крыловка «были сняты» 2 заставы (количество убитых в документах не указано), взят Бундюр, где были освобождены 8 работников комендатуры. Вскоре в этом поселке будет казнено 18 повстанцев. У свежевырытой могилы их положили лицом вниз и по команде выстрелили им в затылок. Такой порядок казни отмечен очевидцами и в других местах.

Утром 1 августа отряд начал наступление на Крыловку, где находился, если его так можно назвать, штаб восстания, и происходило в тот момент совещание. «Обвинительное заключение» так передает обстановку во время этого боя: «Во время перестрелки был убит руководитель восстания Усков, ряд лиц командного состава и около 50 чел. активных участников восстания...». Тут же говорится об их потерях: «За всю операцию с 29 июля по 2 августа было убито более 100х участников банды. Со стороны партотрядов убито 4 человека».

Точную цифру крестьянских потерь во время восстания сейчас назвать трудно, но данные «Обвинительного заключения» сильно занижены. Львиная доля смертей приходилась при подавлении восстания на расстрелы, которые, как

уже отмечалось, в следственных документах не фиксировались. Сильно похож на массовый расстрел «бой» в Крыловке, где убита чуть ли не сотня повстанцев, а партотряды, сформированные также из непрофессионалов, не имели даже раненых.

Напоминанием о расстреле повстанцев может служить записка командира местного партотряда Муравкина, который сообщает, что «1 августа в 7 часов вечера -встретили группу бандитов (40—50 чел.) у Высокого Яра и имели с ней слабое столкновение, при котором убито 8 кулаков, захвачена пара запряженных в телегу лошадей, 2 переделанные из косилки и 3 берданки. Там же освобожден арестованный кулаками вахтер».

Летом 1931 года

Позднее, в 1967 г, следователи КГБ в протоколах допросов зафиксировали случаи одиночных расстрелов. Был привезен в пос. Комаровку и публично расстрелян поселенец Филат Сартаков, в пос. Озерном расстреляли старосту поселка Ивана Пахомова. В архиве И. Б. Малышкина хранится фотография расстрелянного у поскотины поселенца Кудрявцева.

По нашим предварительным расчетам, общая численность потерь поселенцев и местных жителей во время восстания была не менее 200 -250 человек. Восстание было потоплено в крови. Убито было от четверти до половины его участников, причем казнены были, по воспоминаниям очевидцев, -«виноватые и безвинные», т. е. участники восстания и люди посторонние. Акции были направлены на устрашение населения, на ликвидацию у поселенцев и мысли о сопротивление.

Однако и после 1 августа расправа над повстанцами продолжалась. Часть повстанцев, 135 чел., была арестована. Эта акция спецорганов сформулирована в «Обвинительном заключении» следующим образом: «Принятыми агентурно чекистскими мероприятиями изъято 135 человек разбежавшихся активных участников повстанческой организации». 13 повстанцев погибли в Томской тюрьме (домзаке - от новоязовской терминологии того времени) от истощения и болезней. По постановлению особой стройки» ПП ОГПУ ЗСК от 21 октября 1931 года из оставшихся в живых 9 человек получили по 10 лет концлагерей, остальные по 3 и 5 лишения свободы, некоторые были высланы в другие, более гиблые, чем Нарым, места. Один из парадоксов советской действительности в 30-х гг. заключался в том, что часто жизнь легче было сохранить в лагере, чем на «свободе». Из осужденных на 10 лет больше всего не повезло Г. В. Язикову. В 1937 г. он начал хлопотать о досрочном освобождении. В качестве причин для смягчения своего наказания он называл свое партизанство против Колчака и ударный труд. В заявлении он писал: «За 6 лет я не имею ни одного замечания со стороны руководства, ни одного прогула. С начала моего срока, т. е. с 31 г., работал на строительстве Беломорканала, откуда через 5 месяцев я как специалист-рыболов уезжаю на Каспий, где отбываю срок в Прорвинском лагере. Сначала работал бригадиром, потом инструктором по изготовлению орудий лова. В августе 1935 г. за ударный труд меня посылают в дом отдыха в Ахпунское отделение Сиблага... Я прошу комиссию, учитывая мою работу в лагере, мое старание, вернуть меня в среду честных и примерных строителей соцобщества. Январь, день 27-й, 1937 год. Подпись».

Просьбу его удовлетворили т. к. в феврале 1938 г. в Нарьме окружным отделом НКВД были арестованы и привлечены к ответственности за принадлежность к кадетско - монархической повстанческой организации «Российский общевойсковой союз» 125 чел. (Все они были расстреляны, и среди казненных указан Г. В. Язиков. Кроме него, было расстреляно еще 7 причастных к

восстанию человек, которые к тому времени освободились и вернулись к сосланным в Нарым семьям. В их числе были В. В. Баев, И. Я. Лебедев, А. М. Никитин и другие. Возможно, что и в других местах в 1937—1936 гг. бывшие участники восстания были «привлечены к ответственности» и расстреляны.

Преследование участников восстания продолжалось и в послевоенное время. Например, в августе 1945 г. был арестован Максим Никитич Морин, который работал в то время конюхом Молчановского райздрави. При допросе он сознался, что в 1931 году проживал в пос. Вшивка. Поселок этот был поселенческий, там еще проживало 75 семей ссыльных. Сам Морин в то время был райстаростой и участвовал в аресте коммунистов и двух комсомольцев. Затем ему удалось скрыться, переодевшись в одежду убитого поселенца, а ему оставив свою. Поэтому, как он говорит, в документах его считали убитым. Что это за документы и где они хранятся — нам не удалось узнать.

К другим уже упомянутым в статье участникам восстания судьба была более милостива. Например, Битюков Василий, осужденный на 10 лет концлагерей, был перед войной освобожден. В лагерях он работал на строительстве Беломорско-Балтийского канала, работал хорошо и освобожден досрочно. В 1967 г. он проживал в пос. Топки Кемеровской обл. и давал показания следствию.

Н. В. Коровин, бывший председатель Тигинского сельсовета, отбывал наказание в БАМлаге, работал конюхом. Как характеризовало его в.-е отделение, «к работе относился удовлетворительно, в культурно-массовой работе не участвует, в а/советской деятельности не замечен». И ему удалось остаться живым.

В 1967 г. подал заявление на реабилитацию Колмогоров Данила Герасимович. После подавления восстания он также был осужден «тройкой» на 10 лет лишения свободы,. По отбытии срока заключения он был задержан в лагерях Сиблага «до особого распоряжения» и освобожден лишь в 1945 г. В момент восстания ему было 17 лет и прибыл он к месту поселения добровольно, т. к. сам он не был раскулачен, а сопровождал высланную в Нарым семью деда. В Истомине, где было арестовано 37 человек, он был сотенным старостой 5-го участка. По мнению Д. 1Г. Колмогорова, его осудили неправильно, спутав с другим Колмогоровым - Николаем Сергеевичем, который был райстаростой и принимал активное участие в восстании.

В условиях неразберихи, поспешного и неквалифицированного следствия это вполне могло быть.

Все приведенные выше материалы свидетельствуют о том, что люди, обреченные на страдания и смерть, вынуждены были защищать свою жизнь и достоинство доступными средствами. Но они не обагрили свои руки кровью невинных и даже виновных в их мучениях людей. О погибших представителях властей говорилось выше — все они погибли в перестрелках. пыток и казней коммунистов на территории восстания не было. Что касается действий партотрядов, то здесь рассказана только часть правды об их расправе, над повстанцами — остальное остается пока тщательно охраняемой тайной.

Крестьянские вожаки достаточно точно оценивали перспективы жизни спецпереселенцев в условиях надвигающейся зимы. Палатки, шалаши и даже бараки из сырого леса не спасали от холода. Голодный паек вызывал у поселенцев истощение и, как следствие, повальные смертоносные болезни, которые косили их тысячами. Мне не раз говорили, что в районе пос. Гореловка погибло в это время больше людей, чем во всем Чаинском районе в годы последней Отечественной войны. Всего же на территории Галкинской и Парбигской комендатур зимой 1931— 1932 гг. погибло не менее 20 тыс. человек.

«Народная трибуна». 8.08., 10.08., 13.08. 1991 г.. №№ 88, 89, 90.